

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Его зарыли в шар земной...

Сергей Орлов

А на земле ручьи звенели,
Цвела сирень,
Старела мать...
Ему б сейчас лежать в постели,
А не на площади стоять.

Продут позёмкой
Зимний вечер.

Проулки, улицы — пусты.
И стынут каменные плечи
Под плащ-накидкой темноты.

Его в Орле
Или в Иркутске
Ждать перестали земляки.

Ему бы сесть,
Переобуться
И, похоронке вопреки, —

В тот край,
Где пролетело детство,
Вернуться на исходе дня,
В избе родимой отогреться,
А не у Вечного огня.

ПОМИНКИ

Жизнь торжествует в разномастном гуле,
Где вздохи вдов порою не слышны...
В большой эмалированной кастрюле
Замесит мама
Тесто на блины.

И соберёт соседок и знакомых,
Запрячет под косынку седину.
А тёплый блин
Вдруг встанет в горле комом,
Когда я на собравшихся взгляну.

Там, за окошком,
В этот вечер глуше
Шумят листвою осенние леса.
Помин души погибшего отца.
Она в мою переселилась душу!

Я разолью,
Как требует обычай,
Настойку, что от выдержки светла.
О коробок сломаю уйму спичек,
Прикуривая около стола.

* * *

На марше,
В карауле,
На привале,
Когда почти беспомощны слова,
Не красноречьем
Дружбу мы сверяли,
А степень солдатского родства.

И в степень превосходную
К России
Мог возвести я преданность свою,
Когда вдоль строя знамя пронесли,
Пробитое осколками в бою.

СИРОТА

Он с котомочкой тощей,
Как взрывною волной,
На вокзальную площадь
Был отброшен войной.

И под небом весенним
В сорок трудном году
Зарабатывал пеньем
Он себе на еду.

Пел он плохо и жалко.
Но плясал — как цыган!
Мурашами бежали
Цыпки вверх по ногам.

Мог сыграть и на ложках
О ладошку руки.
В кепку падали гроши,
Звякали медяки.

Вся в мазуте и саже
Телогрейка была.
Тётя Нюра однажды
В дом его привела.

Тётя Нюра в ушате
Замочила бельё...
То ли брызги на платье,
То ли слёзы её...

СЛЕПОЙ

В огне бомбёжки,
В адском скрежете
Навеки свет в глазах потух...
Так обострила тьма кромешная
Его обыкновенный слух.

И научился он по голосу
Определять прохожих рост,
Как поле — по шуршанью колоса,
Сентябрь — по шелесту берёз.

Бесшумной палочкой бамбуковой,
Что верной спутницей была,
Не мостовую он простукивал —
Гремел во все колокола.

Звонил о братьях по оружию!
Как будто бы из-под земли
Неумирающие души их
На стук откликнуться могли.

Пожгла, сломала, исковеркала
Подлесок жуткая гроза...
А иногда во сне,
Как в зеркале,
Он видит вновь свои глаза.

ПОЧТАЛЬОНША

Как долго —
Через всю Россию —
Шли письма
Днём и по ночам.
А ты, девчонка, разносила
Их по дворам односельчан.

Летела мигом
К ждущим окнам,
Надеждой жившим всякий раз.
Такая шустрая,
Во многом
Не сразу ты разобралась.

Взять даже то,
Что торопиться,
Пожалуй, надо не всегда.
Ведь в сумке выцветшей тряпичной
Могла пристроиться беда.

О, письма с фронта!
Глянув мельком
На штемпель, адрес и печать,
Кто смог бы так,
Как ты умела,
Их содержание различать?..

Обманчивость благополучья —
Был в тыщу раз
В те дни страшней
Родных мужицких закорючек,
Красивый почерк писарей.

Ты, размышляя на подворье,
Как бабья доля тяжела,
В конверт заклеенное горе

Вдове
Растерянно несла.

И, жадно вслушиваясь в сводки,
То в жар бросающих,
То в дрожь,
Солдатки знали —
По походе —
С какой ты весточкой идёшь.

КРАЙНЯЯ ИЗБА

Пурга.
Ни огонька и ни столба!
Усталости слепая паутина...
Но в белом мраке крайняя изба
Меня, как сына,
На ночь приютила.

В ней не нашлось домашнего вина,
Но угольки нашлись для самовара.
Хозяйка престарелая —
Одна! —
В ней, доживая век свой, зимовала.

И пышно взбитых не было перин,
И мне постелью стал тулуп овчинный.
А я сидел на лавке
И курил,
Прикуривая жадно от лучины.

В печи сухие таяли дрова,
Стреляя, как неотсыревший порох.
И думал о старушке я сперва,
Потом — о крайних избах,
От которых

Такой короткий путь до большака...
Отсюда — не на жатву урожая —
Сибирская крестьянка
Мужика,
Сынков своих на запад провожала.

Как ночи ожидания длинны!
Как луч надежды призрачен и тонок!
Здесь проходил
Передний край войны,
Сердца сжимая болью похоронок.

И если снова позовёт труба
Иль заметёт дорогу вьюга злая,
Проводит нас
И встретит нас изба,
Та крайняя изба —
Не хата с краю.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ВЕСНА

Брату Николаю

Ты помнишь ту весну:
Упрямо к небу
Рвалась настырно ранняя трава.
А наша мать
За полбуханки хлеба
Ночь напролёт вязала кружева.

Скребла полы
И клеила калоши,
Поглядывая часто на кровать,
Где спали трое пацанов подростших,
Любивших плакать,
Петь
И рисовать.

Ты помнишь?
Мама выменяла где-то
За кружева карандашей набор.
И не тогда ль
Я приобщился к цвету,
Который мне сопутствует с тех пор.

Им стал зелёный.
Зеленели листья
И не могли завянуть на корню.
И потому я позже
Стал танкистом,
Что в цвет защитный красили броню.

